

„— Ну, извините.

„— Поди извиняйся передъ авторомъ, передъ театромъ, а передо мной нечего,—говорилъ Щепкинъ, шагая изъ угла въ уголъ“.

Уже глубокимъ старикомъ Щепкинъ съ такимъ же восторгомъ благословлялъ на сценическій путь Г. Н. Позднякову (Федотову). И Федотова жила въ домѣ Щепкина, и ее онъ напутствовалъ указаніями на необходимость неустанной работы надъ самоусовершенствованіемъ, и когда публика на первомъ дебютѣ юной артистки расточала ей бурныя оваціи, Щепкинъ стоялъ у кулисъ, стучалъ палкой и все твердилъ: „но помни, что еще много надо работать“.

Беззавѣтная преданность Щепкина сценѣ выражалась и въ томъ, что онъ всегда готовъ былъ бесѣдовать о сущности драматическаго искусства, о которомъ не уставалъ размышлять. Сходилъ ли онъ съ собесѣдникомъ, извѣстными спеціальными познаніями по театру; попадалъ ли онъ въ кружокъ людей, охваченныхъ интересомъ къ сценѣ, или просто чувствовалъ пріятное настроеніе среди симпатичнаго ему общества, во всѣхъ этихъ случаяхъ онъ съ особеннымъ удовольствіемъ навелъ рѣчь на вопросы искусства, на теорію и исторію сценическаго творчества. Несторъ Кукольникъ рассказываетъ, какъ онъ, заѣхавъ въ Москву въ 1834 г. вмѣстѣ съ Каратыгиными, ежедневно видѣлся съ Щепкинымъ, который въ 8 часовъ утра аккуратно являлся къ Кукольнику, и до того времени, когда Щепкину нужно было отправляться въ театральное училище, у нихъ шли оживленнѣйшія бесѣды о театрѣ и о теоріи сценическаго искусства. Щепкинъ такъ увлекался этими бесѣдами, что нерѣдко опаздывалъ въ училище, „а одинъ разъ и совсѣмъ туда не попалъ по милости новой теоріи драматическаго искусства“, которую онъ обсуждалъ вмѣстѣ съ Кукольникомъ ¹⁾. Въ „Литературной кофейнѣ“ въ Москвѣ, служившей въ то время своего рода литературно-художественнымъ клубомъ, приходъ Щепкина, какъ сообщаетъ Галаховъ, всегда являлся сигналомъ къ начатію интереснѣйшихъ и горячихъ споровъ, „причемъ Щепкинъ спорилъ горячо, но не раздражительно, съ един-

¹⁾ Русск. Старина, 1888 г., № 11.